

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2022

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 1 (111) Том 13 - Публичность как фактор в развитии западноевропейской государственности: от Средних веков к раннему Новому времени. 2022

Концепт «служения» в раннестюартовской Англии

Паламарчук Анастасия Андреевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация

Статья посвящена особенностям восприятия социально и политически значимого концепта служения в раннестюартовской Англии. Существовало три модели восприятия данного концепта. Первая — цicerонианская, восходящая к трактату Цицерона «Об обязанностях»; вторая — исидоровская, восходившая к «Этимологиям» Исидора Севильского; третья — административно-правовая, или юрисдикционная. Анализируя раннестюартовскую рефлексию относительно понятия «служение», можно констатировать устойчивое использование традиционных для средневековой культуры моделей. Эти модели, тем не менее, приобретают новые интерпретации в условиях расширения и усиления сферы публичного.

Ключевые слова: служение, феодализм, Цицерон, Исидор Севильский, юрисдикция, Стюарты, Англия

Дата публикации: 15.02.2022

Ссылка для цитирования:

Паламарчук А. А. Концепт «служения» в раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 1 (111).
URL: <https://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840019000-9

¹ В данной статье речь пойдет об особенностях восприятия социально и политически значимого концепта в период трансформаций. Избранная для рассмотрения категория «служения», как и сам феномен, по праву считается одним из системообразующих для средневекового феодального общества¹. В Англии уже по крайней мере со второй половины XII в. классическая модель вассалитета («служение кровью», то есть военное служение в обмен на наследуемое земельное держание) сосуществовала, а впоследствии замещалась так называемым «бастардным феодализмом», то есть заменой фактического «служения кровью» ежегодными выплатами в денежном или ином эквиваленте². На этом фоне в начале раннего

нового времени происходит становление публично ориентированных институтов, самым ярким и влиятельным из которых стал королевский двор. Проявления публичного в сфере управления, значимость которых сложно преуменьшить, в тюдоровской и раннестюартовской Англии сосуществовали с феноменом, который условно можно обозначить «ренессансом феодализма».

2 Разумеется, не следует говорить о реальном полномасштабном возвращении форм «классического» феодального способа производства и соответствующей ему организации общества. Под «ренессансом феодализма» подразумевается прежде всего активизацию значительного ряда прерогативных и консилиарных институтов, основанием юрисдикции которых была власть короля как феодального сеньора. Кроме того, под этим термином я подразумеваю активную эксплуатацию как верховной властью, так и современниками-теоретиками ряда «феодальных» по своему генезису понятий, практик и правовых инструментов, адаптированных к реалиям второй половины XVI — началу XVII вв. На данный феномен обратил внимание еще Дж. Херстфилд, проанализировав возрождение первыми Тюдорами практик опеки и ливрей³; Дж. Росс⁴ в не так давно опубликованной статье отмечал, что к феодальным практикам (публичное принесение оммажа, взимание феодальных налогов) обращалась не только верховная власть, но и локальная аристократия. Даже Дж. Элтон в своих последних работах признавал существование условной «второй волны феодализма».

3 Сосуществование двух разных по своему характеру форм властвования имеет, впрочем, целый ряд причин, которые становятся очевидными при рассмотрении власти в рамках так называемой «системной» парадигмы⁵.

4 Характерной чертой социальных и политических трансформаций, происходивших в раннее Новое время, следует считать множественность стратегий построения лояльностей, которым следовала не только корона, но и иные акторы политического поля — высшая знать, корпорации, административно-судебные и другие институты. Многообразные типы лояльностей как публичного, так и частного характера не исключали, а взаимодополняли друг друга, или же образовывали ситуативно разрешавшиеся альтернативы. С многообразием лояльностей соотносилась и множественность точек концентрации авторитета, что можно было наблюдать как в социально-политической, так и в интеллектуальной плоскости. Примечательно, находившаяся в становлении рефлексия о власти развивалась не только (и не столько) за счет артикуляции принципиально новых идей, сколько за счет интерпретаций античных и средневековых принципов, воспринимавшихся в качестве традиционных. Пространство интерпретации в сфере политической теории, а особенно — в сфере теологии и права становилось пространством для разрешений конфликтов и поисков компромисса. Еще одна характерная для раннего нового времени корреляция — множественность способов легитимации того или иного властного авторитета (подобные пути легитимации могли быть представлены как обращением к глубоко архаичным компонентам — раннесредневековым этногенетическим мифам, раннесредневековым правовым текстам, к концепту сакрального завета Бога и общины и так далее — так и рационализирующими теориями в сфере политической мысли — например, теорией суверенитета, и систематизаторскими начинаниями в сфере права⁶.

5 В государстве, где в течение XVI столетия произошли существенные изменения в области государственного строительства с ярко выраженным публичным элементом, «вассально-сеньориальная» риторика и церемониал⁷ играли своеобразную компенсаторную роль, обеспечивая не только институциональный, но и ценностный континуитет.

6 Восприятие английскими публицистами и юристами понятия «служение» на рубеже XVI—XVII столетий служит яркой иллюстрацией описанных выше процессов и корреляций.

7 Можно говорить об использовании тюдоровскими и раннестюартовскими теоретиками нескольких моделей рефлексии о понятии «служение».

8 Первая из них — **цицеронианская**, восходящая к трактату Марка Туллия Цицерона

«Об обязанностях»⁸. Значение этого текста для западноевропейской средневековой этической и политической мысли сложно переоценить. Цицеронианский идеал нравственной жизни транслировался в средневековой культуре благодаря не менее выдающимся текстам — «Об обязанностях священнослужителей» Амвросия Медиоланского и «Сумме теологии» Фомы Аквинского⁹. Нельзя не упомянуть и о рецепции текста Цицерона в сочинениях Никколо Макиавелли, широко востребованных тюдоровскими и раннестюартовскими теоретиками¹⁰.

9 Напомню в самых общих чертах те ключевые моменты трактата «Об обязанностях», которые являются важными для рассмотрения раннестюартовских концепций и категорий «служения».

10 Понятие “*officium*”, которое можно интерпретировать как «долг» или «обязанность», существует на двух уровнях: первый род *officium* относится к категории абсолютного блага («предел добра» в русском переводе), второй — реализуется в повседневной жизни, а конкретно — в гражданской деятельности, в делах управления общиной. «Источники обязанности» — стремление к «нравственно-прекрасному» (*honestum*), поддержание «уз между людьми» (VII, 20), общинная жизнь; справедливость — главная доблесть честных мужей, и готовность творить добро. То, как цицероновский *vir bonus* реализует свой *officium* служения общине, Оратор демонстрирует с помощью исторической ретроспекции (XXII, 74). В цицероновском меритократическом обществе гражданское служение более почетно, чем военное («перед тогой склонился меч»), а «нравственно-прекрасное» (*honestum*) «совершается силами духа, а не тела» (XXIII, 79)¹¹.

11 Вторую модель можно условно обозначить как «**исидоровскую**». «Этимологии» Исидора Севильского, как известно, дали западноевропейскому средневековью устойчивую систему определений, ставших нормативными и охватывавшими практически все востребованные области человеческого знания. Авторитет Исидора и предложенный им этимологический метод постижения реальности продолжали оказывать влияние на европейскую культуру вплоть до XVII столетия¹².

12 К теме служения Исидор обращается дважды на страницах «Этимологий» (в книге VI гл. xix “*De libris et officiis ecclesiasticis*” и в книге IX гл. iii — “*De regnis militariaeque vocabulus*”), а церковному служению посвящает отдельный трактат¹³.

13 Согласно определению Исидора, «служение (*officium*) называется так от исполнения (*efficere*), как если бы это было слово *efficium*, в котором одна буква изменилась ради благозвучия; или даже потому, что каждый должен совершать такие дела, которые никому не мешают (*officere*), но служат ко всеобщему благу»¹⁴. Этот фрагмент, с одной стороны, определяет *officium* как процесс исполнения какого-либо действия, с другой — обращает внимание на уже известный нам аспект *officium* как действия, совершаемого ради блага общины. Разумеется, для Исидора термин *officium* существовал прежде всего в сакральном контексте: это священное служение Богу, преимущественно литургическое, реализуемое различными церковными чинами.

14 Однако далее, в г. IX кн. iii. 52 после экскурса об институтах монаршей власти и военных чинах Исидор делает важное замечание о разновидностях военного служения: «существует три вида воинского служения: то, которое осуществляется через клятву, через призыв к оружию и через общинную клятву. В служении, которое начинается клятвой (*sacramentum*) каждый воин после своего избрания клянется не оставлять службы, пока взятые им обязательства не будут исполнены ... В призывании к оружию (*evocatio*) не только воины, но и остальные люди призываются (*evocare*) для участия во внезапном сражении ... Общинная клятва (*coniuratio*) совершается, если в городе мятеж, и неминуемая опасность не оставляет времени на то, чтобы каждый приносил клятву индивидуально»¹⁵. В приведенном определении очевиден не только уже известный нам общинный характер служения (защита города от внешней или внутренней опасности), но и сакральный, и даже сакраментальный его характер. Служение, осуществляемое после принесения индивидуальной или общинной клятвы, приобретает характер священного долга¹⁶. В гл. V кн. xxiv. 31 Исидор поясняет

значение термина “sacramentum”: «это обязательство, возникающее для укрепления обещания, называется оно “sacramentum” (нечто священное), поскольку нарушить обещание — значит изменить вере»¹⁷.

15 Третью модель восприятия служения можно назвать **административно-правовой, или юрисдикционной**. Она, в свою очередь, складывалась из двух компонентов: первый опирался на римскую концепцию империума и юрисдикций, второй — на терминологию феодального права и категории феодального землевладения.

16 Римская концепция управления, развивавшаяся в республиканский период и достигшая своего завершения в эпоху Империи, представляла собой, как известно, сложную иерархическую систему магистратур. Предполагалось, что действия магистратов направлены на достижение общего блага государства; ratio их действий должно было заключаться в utilitas publica.

17 В римской администрации различались различные ступени, или «объемы» империума — от полномочий низших магистратов вплоть до императорского империума, впоследствии характеризовавшегося как такой империум, выше которого не предполагалось никакого иного чина магистратов¹⁸. «Империум» того или иного магистрата распространялся только на тех магистратов, объем империума которых был меньшим, но не на тех, чей империум был равным или большим¹⁹.

18 Использование понятия «юрисдикция» (“juris dictio”) восходит к республиканскому периоду римской истории, когда данный термин означал в буквальном смысле провозглашение права и был синонимичен словосочетанию “judicium dare”²⁰. Выражение “Judicium dare”, в свою очередь, означало «устанавливать справедливость», однако более конкретно подразумевало процесс отправления правосудия носителем той или иной административной должности — магистратом. Кроме того, под “juris dictio” понимался объем полномочий, необходимый магистрату для реализации «справедливости». В то время как цicerоновский и исидоровский officium оставался, безусловно, категорией частного, то империум, магистратура и юрисдикция представляли собой концепты публичного служения, обеспечивавшие уже в период позднего средневековья аналитический подход и деперсонализацию властных структур, должностей и институтов²¹.

19 Наконец, с момента нормандского завоевания и на протяжении всего средневековья в Англии используется и развивается терминология, фиксирующая как взаимные права и обязанности, возникающие в результате заключения феодального контракта между сеньором и вассалом, так и поземельные отношения, представлявшие собой различные вариации, а также производные от акта дарования земли за службу. В Феодальное право в Англии не существовало в виде завершенной целостной системы; его элементы лишь отчасти фиксировались в юридических трактатах, таких как Гланвилл или Флета; значительная часть норм и терминов воспроизводилась в документах королевской курии и в судах автономных феодальных юрисдикций.²² Лишь в XV в. Томас Литтлтон (ок. 1407 — ок. 1481) предпринимает первую попытку систематизации соответствующих понятий и явлений в трактате «О держании»²³, однако подлинный расцвет литературы о феодальном праве и правовом измерении феодального служения наступает на рубеже XVI—XVII столетий, о чем будет сказано далее.

20

Цицеронианская модель: служение как моральное обязательство

Данная модель восприятия служения и долга ярко представлена в наследии короля-мыслителя Якова I Стюарта. Трактат “Basilikon Doron” («Царский дар»)²⁴ был написан Яковом еще в Шотландии в качестве наставления для старшего сына, принца Генри, которому так и не суждено было занять ни шотландский, ни английский престол²⁵. Цель монарха — отца (трактат, как, впрочем, и все сочинения и речи Якова, имеет глубоко

патерналистский характер) — воспитать преемника, который достойно будет заниматься «поддержанием нашей чести (honor) и блага нашего народа»²⁶. Первая часть “Basilikon doron” описывает христианские обязанности государя; при этом особенно важное место уделяется воспитанию чувствительной совести²⁷, позволяющей здраво оценивать свои поступки перед Богом и перед людьми²⁸. Вторая часть, озаглавленная «Обязанности короля в его служении» (“Of a King’s duties in his Office”), основывается исключительно на античном материале, в том числе и на Цицероновской риторике. Благо народа и обязанность государя заключаются в мире и его поддержании; Яков мудро подсказывает сыну практические пути к достижению этого мира среди своих шотландских подданных, все еще необузданных и легких на расправу. Однако основой успешного правления оказывается нравственное совершенство самого государя: «Чтобы быть достойным монархом, недостаточно править скипетром добрых законов и силой оружия защищать свой народ., если не будет это дополнено его собственной добродетелью, жизнью его двора и окружения; добрым примером побуждай подданных любить добродетель и ненавидеть зло. Потому как, сын мой, люди по природе своей склонны подражать примеру своих государей... Позволь же, чтобы твоя жизнь была сводом законов и зеркалом твоему народу, чтобы в ней они могли прочесть исполнение их собственного закона; и так, в твоём образе они увидят то, чем сами призваны руководствоваться»²⁹. В пространном рассуждении Якова о принципах выбора слуг³⁰, окружения и кандидатов на государственные должности настойчиво повторяется определение “honest”.

21 На страницах «Царского дара» отчетливо воспроизводятся компоненты Цицеронианского представления о служении: государь — *vir bonus*, последовательно взращивающий в себе стремление к справедливости и миру, служит общине не только своим мудрым управлением и достижением материальных благ — внутреннего и внешнего мира, благосостояния, устранения суеверий, справедливого суда — но и стремлением совершенствовать те же добродетели в своих подданных. “*Nam in media stat virtus*”, повторяет король Яков вслед за Аристотелем.

22 Соответствующие служению обязанности приписывались, разумеется, не только монархам. Королевский герольд Подвязка — глава коллегии герольдов, антикварий и художник Уильям Сегар в трактате «О достоинствах военных и гражданских» посвящает отдельную главу «Обязанностям и долгу каждого рыцаря и джентльмена». Этот фрагмент многократно воспроизводился в раннеэпохальной литературе, посвященной «чести» в качестве своеобразного «кодекса» рыцарства. Определяя рыцарство как категорию, формирующуюся в средневековой Европе на основе воинского служения, Сегар, однако, добавляет меритократический аспект, добавляя, что рыцарское достоинство — награда для «добродетельных умов» (*virtuous minds*), которая должна быть вписана в анналы истории в прославление добродетели и чести (honor) их самих и их государей³¹. Из 19 требований, предъявленных к «рыцарю», лишь два связаны с обязанностью защищать государя и страну и упражняться в воинском ремесле. Другие требования гораздо более красноречивы: рыцарь и джентльмен призван «почитать магистратов и общаться с людьми чести», «избегать мятежей», «избегать неблагонадежной болтовни», «не стремиться к обогащению», но главное — «любить Бога и быть верным своему государю»³².

23

Исидоровская модель: служение, скрепленное клятвой

Определенная Исидором модель восприятия служения как *sacramentum* — священного долга, скрепленного клятвой, для раннеэпохальных реалий остается исключительно важной. Представляется, что востребованность института клятвы связана с трансформацией позднесредневекового корпоративизма и возникновением «корпоративизма нового типа». Его отличие от средневековых форм (продолжавших существовать в формальных рамках городских корпораций, купеческих гильдий, торговых компаний и так далее) состояло в замене клятвенного союза с его замкнутыми формализованными границами на более гибкие

общности, основанные на совпадении профессиональных интересов, институциональных объединениях или групповых лояльностях. Представляется, что в акте принесения клятвы характерный для средневековья акцент на установлении частных взаимных обязательств и/или формального вступления в корпорацию смещается в пользу публичной демонстрации лояльности и принятия корпоративных ценностей или конкретных целей. Процесс принесения клятвы, результатом которого является создание клятвенного союза, *conjuratio*, приобретает публичный характер, поскольку гарантия личной верности субъекта государю (в том числе и как главе церкви) в конечном счете обеспечивает благо общины (внутренний мир и средневековую *unanimitas* — согласие)³³.

24 Готовность принести клятву служила не только маркером лояльности государю в политической и религиозной сфере (прежде всего речь идет о Клятве о престолонаследии (Oath of Succession), приносившейся подданными Генриха VIII в 1534 г., Клятве о королевской супрематии (Oath of Supremacy) в редакциях 1534 и 1559 гг. — эти клятвы были обязаны приносить все, кто вступал в церковные или светские должности³⁴; а также о яковитской Клятве верности (Oath of Allegiance) 1606 г.). Принесением собственной клятвы сопровождалось вступление в ряд должностей: так, к присяге приводились члены Тайного совета, судьи Звездной палаты и Высокой комиссии, Палаты прошений, бароны Казначейства; “sworn clerks” представляли собой престижную группу клерков консилиарных и прерогативных судов; по определению к присяге приводились члены судов присяжных. При этом в текст клятвы включалось краткое описание тех обязанностей, которые предполагала должность. Приведу начальные слова клятвы, которую приносил при вступлении в должность лорд-канцлера Френсис Бэкон в 1618 г.: «Ты клянешься, что будешь хорошо и верно служить суверенному господину королю и его народу в должности канцлера; и будешь судить по правде каждого, бедного и богатого по законам и обычаям королевства, и будешь давать королю верные советы...»³⁵. Клятва члена Тайного совета гласила: «Ты клянешься быть подлинным и верным советником Ее величества в качестве одного из Ее величества тайных советников. Ты клянешься не входить и не участвовать ни в каких делах, предпринимаемых, совершаемых или говоримых против Ее величества короны или королевского достоинства... Ты будешь защищать все юрисдикции, порядки следования и власти, принадлежащие Ее величеству и сопряженные с Ее короной...»³⁶.

25 Трактат короля Якова I «Истинный закон свободных монархий» открывается пространством рассуждением монарха о коронационной клятве: «Обязанности государя по отношению к своим подданным ясно изложены во многих местах Писания и открыто исповедуются... в коронационной клятве»³⁷. «Их [монархов] служение (office) — осуществлять справедливость и правосудие в своем народе», добавляет Яков с аллюзией на Рим.13:4 («Начальник есть Божий слуга»). Далее в тексте король помещает описание клятвы и ее содержания как «яснейшего, общинного (civil) и фундаментального закона, которым обязанность (office) короля должным образом определена»³⁸. Суть контрактарианской концепции короля, который был воспитан убежденным кальвинистом Джорджем Бьюкененом, сформулирована в следующем пассаже: «Существует взаимное соглашение, контракт, заключенный и скрепленный узами клятвы между королем и его народом... Если одна часть контракта или его пункт будет нарушен со стороны короля, тогда народ более не связан обязательством соблюдать свою часть, но таким образом освобожден от своей клятвы».³⁹ Эта клятва в высшей степени сакральна: «Господь соделался судьей и отмщением для клятвоступников, поскольку в пред Нем — единственным судьей всех клятв, любые клятвы должны быть приносимы».⁴⁰

26 Однако наиболее яркую апологию клятвы верности — сакрального провозглашения «естественного подчинения»⁴¹ Яков I Стюарт проводит в трактате «Апология клятвы верности», в котором отражена его заочная полемика с папой Пием V и кардиналом Беллармино⁴². Сама клятва, принесения которой король потребовал от своих подданных после раскрытия Порохового заговора, приобретает в трактате характер последнего священного суда, на котором агнцы будут отделены от козлиц, «добрые подданные» от «неверных предателей». Яков последовательно настаивает на публичном характере приносимой клятвы,

которая не только подтверждает, но и сакрализует выраженную подданными верность.

27 Однако помимо апологетического отношения к клятвенному служению раздавались и более скептические мнения. Знаменитый юрист и антикварий Джон Селден, с одной стороны, обращает внимание на древность института клятвы: «всегда было в обычае у отцов связывать клятвой своих сыновей»⁴³; приносили клятвы Богу и перед Богом и иудеи, и первые христиане. Действительно, клятва-ковенант создавала христианскую общину и становилась для нее законом⁴⁴.

28 Однако в современных ему условиях Селден отмечает релятивизм самого содержания клятвы: «Клятва короля недостаточно гарантирует наше положение, поскольку он клянется править согласно закону, а закон интерпретируют юристы»⁴⁵. Максимально скептическую интонацию голос Селдена обретает в главе «О клятвах». Главный его упрек состоит в том, что клянущиеся не понимают сути произносимых формул: «сколько знают, каким образом король является королем? Сколько знают, каковы привилегии парламента, каковы свободы подданного?»⁴⁶. И, наконец, лаконично подводит итог: «Клятвы сейчас столь часты, что глотаются как пилюли, целиком; если разжевать их — почувствуете горечь; а если поразмыслите, в чем клянётесь, то едва ли сможете их проглотить»⁴⁷.

29

Административная модель

Клятва сохраняет свое значение и для развития третьей из названных в начале статьи моделей — административно-правовой, или юрисдикционной. Два выдающихся антиквария, уже упомянутый выше Джон Селден и сэръ Генри Спелман в своих трактатах, посвященных, соответственно, истории титулов и истории рыцарского держания, называют институт клятвы ключевым для формирования феодальных отношений.

30 В трактате «О титулах достоинства» Селден так описывает зарождение вассалитета: «власть и слава их [германцев] состояла в многочисленности тех, кто был готов жить и умереть с ними, узы, скреплявшие такого рода преданность, возникали после дарования такого владения, которое создавало феодальную связь между дарителем и одаряемым; это подтверждалось также клятвой со стороны одаряемого. Эта клятва обязывала его быть верным дарителю и сопровождать его»⁴⁸.

31 Спелман присоединяется к уже звучавшим выше заявлениям о исключительной древности института клятвы, освященного авторитетом Писания: «Если мы примем, что любую клятву, которой слуги и вассалы клялись в верности своему господину, то получится, что первую такую клятву потребовал Авраам от своих от своих слуг»⁴⁹. Обычай принесения клятв своему вождю или господину был, по мнению Спелмана, общим для всех германских народов, и особенно любим англо-саксами: «суть клятвы (sacramentum) — защищать господина той земли, на которой они жили, и соединять свою собственную доблесть с его [господина] славой». Однако сама клятва, рассуждает Спелман, не была достаточной для возникновения феодального служения, поскольку имела исключительно персональный (настаивает антикварий) характер; возникавшие отношения верности были «одновременно персональными, поземельными и феодальными»⁵⁰. При возникновении собственно феодального служения в период после нормандского завоевания персональная верность была отделена от обязательств служения (Спелман перечисляет лишь право опеки и помощь при вступлении в брак), возникавших в результате пожалования феодального владения — а именно рыцарского держания.

32 Цивилист Томас Ридли, рассуждая о происхождении феодалов, также опирается на исидоровское определение: «Феод — варварское слово, которое по мнению Исидора... следует понимать как союз (thing covenanted) между людьми. Другие выводят его от слова fideum, которое удобнее произносить как feudum; те, кто являются феодариями (feudaries) друг другу, по-латыни именуются fideles, ибо они связаны клятвой верности с теми, чьими

феодариями являются»⁵¹. Томас Смит в трактате “De Republica Anglorum” настаивал на системообразующем значении феодального держания: «Вся свободная земля в Англии держится по принципу феода (*in feodo*), то есть *in fide* или *fiducia*; то есть в силу веры и доверия, что [человек] будет верным своему господину, от которого он держит землю»⁵².

33 Основополагающая категория феода⁵³, несмотря на широкий спектр ее интерпретаций современниками, формирует в текстах раннестюартовских юристов и антиквариев иерархию титулов и достоинств. Именно на титулах и достоинствах знати, на привилегиях и атрибутах с ними связанных, на место в порядке следования знатных чинов сосредоточено внимание авторов; функциональные различия если и отмечаются, то в связи с исключительно отдаленным от современности периодом возникновения соответствующих достоинств.

34 Внимание юристов и антиквариев было приковано практически полностью к иерархиям титулов и достоинств, возникновение которых единодушно связывалось с институтом феодального служения; при этом аналогичных иерархий придворных или административных должностей или рефлексии о порядке их следования мы почти не встречаем в раннестюартовской литературе. Один из немногих эпизодов, содержащих попытку развернутой категоризации должностей содержится в трактате Уильяма Сегара «О достоинствах военных и гражданских».

35 Вся четвертая книга этого трактата посвящена выстраиванию разного рода иерархий внутри рыцарского сословия и знати; на этом фоне выделяется гл. 20 «О магистратах»⁵⁴. Сегар полностью опирается на римскую концепцию имперского управления — служения общине — как иерархии магистратур; причем на вершине этой иерархии находятся “*magistrates sovereign*” (те, что подчиняются только государю — “*soveraigne prince*”, они же именуются *magni* и *illustres*), им подчиняются те магистраты, «которые могут отдавать приказы нижестоящим», они же названы “*medii*” и “*spectabiles*”, и наконец, те, которые «осуществляют юрисдикцию над конкретными предметами и не могут никому отдавать приказы» — “*minimi*” и “*clarissimi*”⁵⁵. После небольшого экскурса о том, как могла быть организована иерархия административных должностей в Риме, антикварий отмечает, что невозможно напрямую уподобить римские реалии сегодняшним, прежде всего потому, что в современной ему действительности ни один магистрат не мог управлять делами всей империи, как это было в случае с префектом претория в Риме. Тем не менее, Сегар усматривает в системе английских (а также французских) должностей близкие аналогии: так, должности претора или префекта аналогична должность сенешаля в царствование нормандской династии,⁵⁶ а также те, кто брал ответственность за управление в отсутствие государя. “*Illustres*” — это лорд-канцлер, “*etiam in dignitate impari*”, лорд-констебль или лорд-маршал, лорд-казначей, лорд-адмирал, лорд-чемберлен и члены Тайного совета. С некоторым колебанием к этой же категории он причисляет докторов, преподававших не менее 20 лет. Далее, в категории “*spectabiles*” следуют командующие армиями, высшие судьи, наместники и генерал-лейтенанты; наконец, в разряде “*clarissimi*” помещены судьи, полковники, капитаны и обладатели низших должностей.

36 Сегар также отмечает, что «не каждый магистрат — обладатель должности (*officer*), но не каждый обладатель должности — магистрат»⁵⁷. В этом смысле примечательно, что в иерархию должностей он помещает исключительно должности придворные.

37 Что же касается обладателей должностей, то здесь Сегар допускает две возможные коррелирующие между собой классификации: функциональную и основанную на типе самой должности. «Обладатели должностей, служащие государю, суть различного рода: одни приставлены к особе государя, другие заботятся о его казне, иные — служители правосудия, иные — командуют войсками»⁵⁸. Та же группа «служащих государю» образуют иерархию «административных, вакантных и почетных» должностей, в каждую из которых ее обладатель вводится государем лично. Административное служение, которое подразумевает личное исполнение обязанностей, представлено как наиболее престижное; оно обеспечивает предшествование *in pari dignitate*. «Вакантные» должности подразумевают субституцию

должностных функций иным лицом; наконец, «почетные», или «экстраординарные» не несут никакой функциональной нагрузки, но предполагают близость к особе государя⁵⁹.

38 Еще один показательный пример рефлексии о сущности административных должностей и служения мы находим в трактатах Уильяма Ламбарда “Eirenarcha”⁶⁰ и “Archion”⁶¹. Ламбард — апологет монархической власти и поборник королевской прерогативы; ему, как и впоследствии для Якова I Стюарта, принципиально важной виделась идея гармонии, которая должна была проявляться в согласном взаимодействии существующих институтов и юрисдикций. Основополагающим элементом политико-правовых воззрений Ламбарда был концепт «мира». В соответствии с традиционными для всей средневековой Европы представлениями⁶² Ламбард трактовал «мир» не как отсутствие войны или вооруженного противостояния, но как сохранение внутренне присущего обществу иерархического порядка; таким образом, действия человека, поставленного на исполнение той или иной должности становилось служением «защитника мира». Таким образом к «защитникам мира» Ламбард причисляет прежде всего мировых судей (истории этой должности и обязанностям мировых судей в Англии посвящено сочинение Ламбарда “Eirenarcha”), а также обладателей других административно-судебных должностей. Любопытно, что обладатели титулов, не занимающие при этом государственные должности, из категории «защитников мира» исключаются.

39 Первым в иерархии должностей Ламбард называет монарха, в персоне которого соединяются «должность и титул». Иерархия должностей в изображении Ламбарда состоит из трех ступеней: на вершине — монарх, источник любых полномочий; затем перечислены должности, носители которых призваны сохранять мир в границах всего королевства⁶³, и, наконец, «защитники мира» на в локальных сообществах, начиная с графств до отдельных церковных приходов. Лорда-канцлера, лорда-стюарта, лорда-маршала, лорда-констебля, лорда-казначея и всех судей Королевской скамьи Ламбард причисляет к «хранителям мира в пределах всего королевства», а их полномочия являются постоянными.

40 В отличие от Эдварда Кока, который посвятил свой трактат «Институции английских законов» функционированию и миссии институтов, Ламбарда интересуют конкретные должности. В рамках своего анализа он различает «обязанности, вмененные судьей», и «его (судьи) практику целиком»⁶⁴. Данным различием Ламбард очень точно определяет ситуацию, которая в английском институциональном пространстве была неизменным поводом для конфликтов: сфера практической деятельности судей фактически была шире документально зафиксированных или регулировавшихся традицией пределов соответствующих юрисдикций. Ламбард отнюдь не считает такое положение дел злоупотреблением и не приписывает стремление нарушать границы традиционных юрисдикций той или иной группе судей или конкретным институтам.

41 Мы увидели, что Ламбард изображает систему управления королевством представлена не как иерархическую систему институтов с формально обозначенными границами, а как иерархию должностей⁶⁵. По его мнению, юрисдикции также соотносятся не с институтами, а с определенными должностями, которые, в свою очередь, связаны с административно-судебными органами. Показательно рассуждение Ламбарда о должности канцлера на страницах трактата “Archion”.

42 Из-за особенностей своего генезиса, Суд канцлера обладал двойственной природой юрисдикции и предоставлял возможность вершить правосудие как по принципам общего права, так и по принципам права справедливости (Equity); совершение канцлером суда согласно праву справедливости рассматривалось, помимо прочего, корректировать несправедливые приговоры или ошибочно вынесенные вердикты судов общего права. Согласно средневековой традиции, канцлер трактовался как «хранитель королевской совести», где персональное и публичное измерения совпадали, а творимое им правосудие основывалось не на личном мнении канцлера, но воплощало совершенное знание королевской особы⁶⁶. Ламбард описывает эту область юрисдикции канцлера как «абсолютную и беспредельную»⁶⁷ — термины, использовавшиеся почти исключительно для

характеристики власти монарха. Канцлер — первая должность в иерархии «хранителей мира», он «воплощает и запечатывает орудия королевской власти»⁶⁸; в его руках — «печать милости»⁶⁹, а место, где канцлер вершит суд — «алтарь помощи и убежище»⁷⁰. По мнению Ламбарда, судов, основывающих свой авторитет лишь на обычае, недостаточно для управления королевством, поскольку монарх в коронационной клятве обещал судить своих людей “*aequam et rectam justitiam*”⁷¹. Общее право — деперсонифицированный “*artificial reason*”, на преобразующей и корректирующей способности которого будет настаивать, к примеру, Эдвард Кок, а также позитивное право (статуты, уподобленные в «*Archion*» удару стального оружия) для Ламбарда обретают подобающее место лишь при условии, что их применение будет корректироваться человеческой совестью, распознающей голос Бога⁷².

43 Анализ многочисленных межинституционных конфликтов позднетюдоровского и раннестюартовского правления показывает, что восприятие высокопоставленными судьями (цивилистами, канонистами и юристами общего права) вверенных им должностей, ведомств и соответствующих обязанностей во многом было аналогично отношению вассала к вверенному ему феодалу. Своим долгом каждый из них считал защиту интересов института, как формальных, так и чисто материальных, обеспечение интересов штата ведомства, формировавшегося из собственной клиентелы, и повышение статуса института в административно-судебной системе. Распределение должностей, в конечном итоге, зависело от благосклонности монарха, покровительство и благосклонность которого были необходимы как для построения успешной индивидуальной карьеры, так и для судеб того или иного ведомства. За монархом сохранялась и привилегия регулировать границы юрисдикций в межинституциональных и должностных конфликтах. Каждый институт таким образом, представлял собой корпорацию феодального характера; связи, соединявшие его с монархом, являли собой личные узы контракта⁷³.

44 Анализируя раннестюартовскую рефлексивность относительно понятия «служение» мы можем констатировать устойчивое использование традиционных для средневековой культуры моделей. Эти модели, тем не менее, приобретают новые интерпретации в условиях расширения и усиления сферы публичного. Новые интерпретации возникали, во-первых, за счет смещения акцента в хорошо известных определениях, а во-вторых — за счет совмещения определенных аспектов каждой из трех перечисленных схем.

45 Так, например, цicerонианская модель, совмещавшая два компонента — служение как стремление к личному совершенству и гражданская деятельность во благо общины — интерпретировалась таким образом, что конечное благо общины выступало на первый план, а совершенство правителя — *vir bonus* — оказывалось лишь средством. Клятва оказывалась не только основополагающим элементом феодального служения и гарантией устойчивости возникавших поземельных отношений, но и публично демонстрировала лояльность политике монарха со стороны обладателей административных и судебных должностей.

Примечания:

1. Hyams P. *Homage and Feudalism: A Judicious Separation* // *Die Gegenwart des Feudalismus. Présence de la Feodalité. The Presence of Feudalism* / ed. by Fryde N., Monnet P., Oexle O. G. Göttingen, 2002. P. 13—49; Bloch M. *Feudal Society*. Vol. 1. *The Grows and Ties of Dependence*. Chicago, 1961. P. 145—240.

2. Hicks M. *Bastard feudalism*. L.; N. Y., 2013. P. 4; Mc Kelvie G. *Bastard Feudalism, English Society and the Law: The Statutes of Livery, 1390—1520*. L.; N. Y., 2020.

3. Hurstfield J. *The Revival of Feudalism in Early Tudor England* // *History. New Series*. Vol. 3. № 130. 1952. P. 131—145.

4. Ross J. *The English Aristocracy and Mesne Feudalism* // *English Historical Review*. 2018. P. 1027—1059.

5. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. *Рассуждения о формуле власти* // *Средние века*. 2020. Т. 81. Вып. 1. С. 21—30.

6. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. *Рассуждения о формуле власти* // *Средние века*. 2020. Т. 81. Вып. 1. С. 21—30; Федоров С. Е. *Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии*. Учебно-методическое пособие. СПб., 2007; Федоров С. Е. *Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской*

монархии. СПб.: Алетея, 2018.

7. Интересным примером здесь могут служить тюдоровские и стюартовские церемонии посвящений в рыцари. Подробно см.: Leonard H. Knights and Knighthood in Tudor England. PhD Dissretation. L., 1970. P. 80—101 et al.
8. Цицерон Марк Туллий. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / под ред. Горенштейна В. О., Грабарь-Пассек М. Е., Утченко С. Л. М., 1974. С. 209—236.
9. Dyck A. R. A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor, 1996. P. 41—48; Jordan M. D. Cicero, Ambrose and Aquinas “On Duties”, or the Limits of Genre in Morals // The Journal of Religious Ethics. Vol. 33. № 3. 2005. P. 485—502.
10. Petrina A. Machiavelli in the British Isles: two Early Modern Translations of The Prince. Ashgate Publishing, 2009; Petrina A. The Travels of Ideology: Niccolò Machiavelli at the Court of James VI // The Modern Language Review. Vol. 102. № 4. 2007. P. 947—959.
11. Брагова А. М. Интерпретация Цицероном стоических понятий *honestum*, *virtus*, *officium*. СХОЛА. Т. 5. № 1. 2011. С. 42—52; Luscombe D. E., Evans G. R. The Twelfth Century Renaissance // The Cambridge History of Medieval Political Thought. c. 350 — c. 1450 / ed. by Burns J. H. Cambridge, 1988. P. 312—321.
12. Henderson J. The Medieval World of Isidore of Seville. Truth from Words. Cambridge, 2007.
13. Isidore of Seville: De Ecclesiasticis Officiis / transl. and ed. by Knobel Th. N. Y., 2008.
14. The Etymologies of Isidore of Seville / ed. and transl. by Barney S. A., Lewis W. J., Beach J. A., Berghof O. Cambridge, 2006. P. 146.
15. Isidore of Seville. The Etymologies of Isidore of Seville / ed. and transl. by Barney S. A., Lewis W. J., Beach J. A., Berghof O. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 202.
16. О роли клятвенных союзов, основанных на *conjuratio*, подробно писал О. Г. Эккле: Эккле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. М., 2007. С. 100—102; см. также: Cervone T. Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature. L., 2011.
17. Isidore of Seville. The Etymologies of Isidore of Seville / ed. and transl. by Barney S. A., Lewis W. J., Beach J. A., Berghof O. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 121.
18. Eck W. The Emperor, the Law and the Imperial Administration // The Oxford Handbook of Roman Law and Society / ed. by Du Plessis P. J., Ando C. and Tuori K. Oxford, 2016. P. 98—110.
19. The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought / ed. by Rowe C., Schofield M. Cambridge, 2000. P. 628.
20. Ancient Roman Statutes. A Translation. With Introduction, Commentary, Glossary and Index / ed. by Johnson A. C., Coleman-Norton P., Bourne F. C. Clark. New Jersey, 2003. P. 266.
21. Подробно об эволюции данных понятий см.: Паламарчук А. А. Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33). URL: [>>>](#); см. также: Fadeyev I. A., Palamarchuk A. A. Richard Hooker's Doctrine of the Royal Supremacy in the Church of England // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. № 1. 2018. P. 158—173; Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015.
22. Данная концепция была последовательно разработана С. Ф. Милсомом: Milsom S. F. C. The Legal Framework of English Feudalism. The Maitland Lectures Given in 1972. Cambridge, 1976.
23. Littleton Th. Littleton, His Treatise of Tenures, in French and English / ed. by Tomlins T. E. L., 1841.
24. King James I of England. Basilikon Doron // The Political Works of James I / ed. by MacIlwain J. Cambridge, 1918. P. 3—52.
25. Подробный содержательный анализ «Царского дара» см. в: Эцина Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2006.
26. King James I of England. Basilikon Doron // The Political Works of James I / ed. by MacIlwain J. Cambridge: Harvard University Press, 1918. P. 11
27. Ibid. P. 16—18.
28. О концептах «совести» и «справедливости» в английской политико-правовой традиции см.: Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2016. С. 285—310.

29. King James I of England. *Basilikon Doron* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge: Harvard University Press, 1918. P. 29—30.
30. *Ibid.* P. 31—33.
31. Segar W. *Honor Military and Civil*. L.: R. Backer, 1602. P. 52—53.
32. *Ibid.* P. 60.
33. Дж. М. Грей в своем блестящем детальном исследовании продемонстрировал роль клятв в качестве инструмента проведения Королевской реформации Генрихом VIII: Gray J. M. *Oaths and the English Reformation*. Cambridge, 2013; ряд исследований также посвящен роли клятв в развитии Английской революции: Vallance E. *Revolutionary England and the National Covenant: State Oath, Protestantism and the Political Nation, 1553—1682*. Cambridge, 2005; Walter J. *Covenanting Citizens. The Protestation Oath and Popular Political Culture in the English Revolution*. Oxford, 2017. Анализ историографии см.: Fyodorov S. E., Palamarchuk A. A. *Parliamentary Protestations and Political Culture in Revolutionary England* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. History*. № 3. 2017. P. 655—660.
34. Дж. М. Грей показал, что речь шла о нескольких вариантах антипапистских клятв, разнившихся в зависимости от духовного или светского чина клявшегося, а также от должности. Gray J. M. *Oaths and the English Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 50—51.
35. *Acts of the Privy Council of England*. Vol. 36. 1618—1619 / ed. by Lyle J. V. L., 1929. P. 3.
36. Цит. по: *Tudor Constitutional Documents, 1485—1603* / ed. by Tanner J. R. Cambridge, 1930. P. 225.
37. King James I of England. *The True Law of Free Monarchies* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge, 1918. P. 54.
38. King James I of England. *The True Law of Free Monarchies* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge: Harvard University Press, 1918.
39. *Ibid.*
40. *Ibid.* P. 68.
41. King James I of England. *Triplici modo, Triplex cuneus, or an Apologie for the Oath of Allegiance* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge, 1918. P. 71.
42. Каретина А. Н. Беллармин и полемика о клятве верности 1607—1610 гг. // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. 2013. Вып.2. С. 69—73.
43. Selden J. *Table-talk*. L., 1856. P. 57.
44. *Ibid.* P. 53.
45. *Ibid.* P. 79.
46. *Ibid.* P. 101.
47. *Ibid.* P. 101.
48. *Ibid.* P. 274.
49. Spelman H. *The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Service in England* // *Reliquae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman*. L., 1698. P. 36.
50. *Ibid.* P. 36.
51. Ridley T. *A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. L., 1607. P. 62.
52. Smith Th. *De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England* / ed. by Aston L. with a preface by Maitland F. W. Cambridge, 1906. P. 134—135.
53. Для английской правовой литературы нормативным стало определение феода, данное в трактате Томаса Литтлтона «О держаниях»: “*Feodum simplex, quia feodum idem est quod hereditas, et simplex est quod legitimum vel purum, et sic feodum simplex idem est quod hereditas legitima, vel hereditas pura*”. (Littleton Th. *Littleton, His Treatise of Tenures, in French and English* / ed. by Tomlins T. E. L., 1841. P. 2—3).
54. Segar W. *Honor Military and Civil*. L.: R. Backer, 1602. P. 235—236.
55. Сегар, как и другие авторы, заимствуют данную классификацию разрядов «достойных мужей» из «Варий» Кассиодора.

56. Segar W. Honor Military and Civil. L.: R. Backer, 1602. P. 236
57. Ibid. P. 236.
58. Ibid. P. 236
59. Ibid. P. 237—238.
60. Lambarde W. Eirenarcha, or, of the Office of the Justices of Peace. L., 1619.
61. Lambarde W. Archion, or, a commentary upon the high courts of Justice in England. L., 1635.
62. Renna Th. The Idea of Peace in the West, 500—1500 // Journal of Medieval History. № 6. 1980. P. 143—167; Lowe B. Imagining Peace: A History of Early English Pacifist Ideas, 1340—1560. The Pennsylvania State University Press, 1997.
63. Lambarde W. Eirenarcha, or, of the Office of the Justices of Peace. L.: for the Company of Stationers, 1619. P. 7—12.
64. Ibid. P. 2.
65. В этом смысле ближе всего к иерархической структуре Ламбарда находится представление о политическом теле королевства как иерархии титулов и должностей в том виде, как её изображали Джон Селден, Джон Гвиллим и авторы, создававшие компиляции из их трактатов.
66. Подробно о воззрениях Ламбарда см.: Паламарчук А. А. Уильям Ламбард: у истоков антикварной рефлексии об английском праве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 1 (99). URL: [>>>>](https://history.jes.su/s207987840013426-7) DOI: 10.18254/S207987840013426-7
67. Lambarde W. Archion, or, a commentary upon the high courts of Justice in England. L.: for D. Frere. 1635. P. 58.
68. Ibid. P.61.
69. Ibid. P.68.
70. Ibid. P. 75.
71. Ibid. P.76.
72. Ibid. P. 80.
73. Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2016. С. 404.

Библиография:

1. Брагова А. М. Интерпретация Цицероном стоических понятий *honestum, virtus, officium*. СХОЛА. Т. 5. № 1. 2011. С. 42—52.
2. Каретина А. Н. Беллармин и полемика о клятве верности 1607—1610 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2013. Вып. 2. С. 69—73.
3. Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2016.
4. Паламарчук А. А. Уильям Ламбард: у истоков антикварной рефлексии об английском праве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 1 (99). URL: <https://history.jes.su/s207987840013426-7-1/> DOI: 10.18254/S207987840013426-7
5. Паламарчук А. А. Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33). URL: <https://history.jes.su/s207987840000894-2-1/>
6. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып.1. С. 21—30
7. Федоров С. Е. Антикварное историописание: история и современность в яковитской

Англии. Учебно-методическое пособие. СПб., 2007.

8. Федоров С. Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб.: Алетея, 2018.

9. Цицерон Марк Туллий. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / под ред. Горенштейна В. О., Грабарь-Пассек М. Е., Утченко С. Л. М.: Наука, 1974.

10. Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 357 с.

11. Эцина Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2006.

12. Acts of the Privy Council of England. Vol. 36. 1618—1619 / ed. by Lyle J. V. L.: HM Stationery Office, 1929.

13. Ancient Roman Statutes. A Translation. With Introduction, Commentary, Glossary and Index / ed. by Johnson A. C., Coleman-Norton P., Bourne F. C. Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, 2003.

14. Bloch M. Feudal Society. Vol. 1. The Grows and Ties of Dependence. Chicago: University of Chicago Press, 1961.

15. Cervone T. Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature. L.: McFarland, 2011.

16. Dyck A. R. A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.

17. Eck W. The Emperor, the Law and the Imperial Administration // The Oxford Handbook of Roman Law and Society / ed. by Du Plessis P. J., Ando C. and Tuori K. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 98—110.

18. Fadeyev I. A., Palamarchuk A. A. Richard Hooker's Doctrine of the Royal Supremacy in the Church of England // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. № 1. 2018. P. 158—173.

19. Fyodorov S. E., Palamarchuk A. A. Parliamentary Protestations and Political Culture in Revolutionary England // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. History. № 3. 2017. P. 655—660.

20. Gray J. M. Oaths and the English Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

21. Henderson J. The Medieval World of Isidore of Seville. Truth from Words. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

22. Hicks M. Bastard feudalism. L.; N. Y.: Routledge, 2013.

23. Hurstfield J. The Revival of Feudalism in Early Tudor England // History. New Series. Vol. 3. № 130. 1952. P. 131—145.

24. Hyams P. Homage and Feudalism: A Judicious Separation // Die Gegenwart des Feudalismus. Présence de la Feodalité. The Presence of Feudalism / ed. by Fryde N., Monnet P., Oexle O. G. Vandenhoeck and Ruprecht. Göttingen, 2002. P. 13—49.

25. Isidore of Seville. The Etymologies of Isidore of Seville / ed. and transl. by Barney S. A., Lewis

- W. J., Beach J. A., Berghof O. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
26. Isidore of Seville: *De Ecclesiasticis Officiis* / transl. and ed. by Knobel Th. N. Y.: The Newmann Press, 2008.
27. Jordan M. D. Cicero, Ambrose and Aquinas “On Duties”, or the Limits of Genre in Morals // *The Journal of Religious Ethics*. Vol. 33. № 3. 2005. P. 485—502.
28. King James I of England. *Basilikon Doron* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge: Harvard University Press, 1918.
29. King James I of England. *The True Law of Free Monarchies* // *The Political Works of James I* / ed. by MacIlwain J. Cambridge: Harvard University Press, 1918.
30. Lambarde W. *Archion, or, a commentary upon the high courts of Justice in England*. L.: for D. Frere. 1635.
31. Lambarde W. *Eirenarcha, or, of the Office of the Justices of Peace*. London: for the Company of Stationers, 1619.
32. Leonard H. *Knights and Knighthood in Tudor England*. PhD Dissretation. L., 1970.
33. Littleton Th. *Littleton, His Treatise of Tenures, in French and English* / ed. by Tomlins T. E. L.: W. M'Dowall, 1841.
34. Lowe B. *Imagining Peace: A History of Early English Pacifist Ideas, 1340—1560*. The Pennsylvania State University Press, 1997.
35. Luscombe D. E., Evans G. R. *The Twelwth Century Renaissance* // *The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 — c. 1450* / ed. by Burns J. H. Cambridge: Cambridge Universiy Press, 1988. P. 306—340.
36. McKelvie G. *Bastard Feudalism, English Society and the Law: The Statutes of Livery, 1390—1520*. L.; N. Y.: Boydell and Brewer, 2020.
37. Milsom S. F. C. *The Legal Framework of English Feudalism. The Maitland Lectures Given in 1972*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
38. Petrina A. *Machiavelli in the British Isles: two Early Modern Translations of The Prince*. Ashgate Publishing, 2009.
39. Petrina A. *The Travels of Ideology: Niccolò Machiavelli at the Court of James VI* // *The Modern Language Review*. Vol. 102. №. 4. 2007. P. 947—959.
40. Renna T. *The Idea of Peace in the West, 500—1500* // *Journal of Medieval History*. № 6. 1980. P. 143—167.
41. Ridley T. *A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. L.: Printed by Adam Islip, 1607.
42. Ross J. *The English Aristocracy and Mesne Feudalism* // *English Historical Review*. 2018. P. 1027—1059.
43. Segar W. *Honor Military and Civil*. L.: R. Backer, 1602.
44. Selden J. *Table-talk*. L.: John Russel Smith, 1856.
45. Smith T. *De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England* / ed. by Aston L. with a preface by Maitland F. W. Cambridge: Cambridge University Press, 1906.

46. Spelman H. *The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Service in England // Reliquae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman.* L., 1698.
47. *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought* / ed. by Rowe C., Schofield M. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
48. *Tudor Constitutional Documents, 1485—1603* / ed. by Tanner J. R. Cambridge: Cambridge University Press, 1930.
49. Vallance E. *Revolutionary England and the National Covenant: State Oath, Protestantism and the Political Nation, 1553—1682.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
50. Walter J. *Covenanting Citizens. The Protestation Oath and Popular Political Culture in the English Revolution.* Oxford: Oxford University Press, 2017.

The Concept of “Office” in Early Stuart England

Anastasia Palamarchuk

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, Saint Petersburg*

Abstract

The paper analyzes specific issues in perception of “office” — one of the most socially and politically important concepts in Early Stuart England. There were three general patterns of representation of “office”. The first pattern, defined as “ciceronian”, traces back to Cicero’s “De Officiis”; the second pattern, defined as “isidorian”, traces its origins to Isidore of Seville’s “Ethimologies”; finally, the third pattern can be defined as administrative-legal, or jurisdictional. In Early Stuart political, legal and historical writing on subjects touching “office”, traditional medieval definitions and rhetoric were still in use; nevertheless, its internal content and meanings were getting new interpretations due to the development of public sphere in the Early Stuart State.

Keywords: Office, Feudalism, Cicero, Isidore of Seville, Jurisdiction, The Stuarts, England

Publication date: 15.02.2022

Citation link:

Palamarchuk A. The Concept of “Office” in Early Stuart England // ISTORIYA. – 2022. – V. 13. – Issue 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840019000-9

Код пользователя: 1272; Дата выгрузки: 29.03.2022; URL - <http://history.jes.su/s207987840019000-9-1/> Все права защищены.